

are marked according to three types (based on foreign practice of the singles typology): school shooter, mass murderer, terrorist. 19 cases were definitely defined as school shooters. The authors identify types of imitation and develop a scheme of relationships; mark significant signs; carry out the analysis of dynamics of cases; present examples of warning signs which school shooters leave on the Internet; mark the basic and additional motives of school shooters; present results of studying social connections of school shooters in the online environment.

Keywords: school shooter, mass murderer, copycat criminal, Columbine, youth, radicalization, extremism, terrorism

УДК 316

БАРАШ Раиса Эдуардовна — к.полит.н., старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; raisabarash@gmail.com)

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОТЕСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ И КОНСОЛИДАЦИИ: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация. Автор обращается к исследованию проблемы генезиса протестной коммуникации и консолидации под влиянием нематериальных факторов. Обращаясь к историко-философской традиции, автор последовательно рассуждает о состоятельности таких «нематериалистических» методологических парадигм объяснения социальной консолидации, как символический интеракционизм, теория фреймов, концепция утверждения постматериальных ценностей и пр.

Последовательно исследуя специфику протестных выступлений последних лет по всему миру, автор резюмирует состоятельность применения коммуникативной методологии интерпретации протестной самоорганизации как особой коммуникации, опирающейся на уникальный «код взаимодействия» и ценностную систему, альтернативную артикулируемой властью и бюрократией. Однако повсеместное распространение цифровых медиа не превращает их в механизм революционной самоорганизации.

Ключевые слова: протест, коммуникация, активизм, Интернет, социальные сети, консолидация

За последние 20 лет представления о природе, причинах и основных участниках протеста значительно изменились. Если до середины XX в. протестная активность рассматривалась главным образом через «рациональную призму» [Smelser 1962] (т.е. как вызванная неудовлетворенностью жизненным порядком и направленная на его изменение [Blumer 1971] реакция на конкретные, внятные раздражители, социально-экономический или политический вызовы и проблемы), то акции 1960–1970-х гг. в значительной степени были следствием инициатив новых социальных движений, мотивированных борьбой за права отдельных социальных групп.

В начале XX в. выступления суфражисток казались революционными; сегодня же «поводом для массовых выступлений становятся неочевидные вещи вроде экологии или строительства храма» [Перцев 2019]. Но сам механизм и причины спонтанных коллективных действий, мотивированных нематериальными поводами, продолжает оставаться предметом академических изысканий. К сегодняшнему дню сформировались несколько традиций интерпретации механизмов социальной консолидации под влиянием нематериальных факторов.

Сторонники теории символического интеракционизма считают мотивы коллективных социальных процессов результатом появления новых форм соци-

ального действия и солидарности. Р. Парк и Э. Берджесс полагали, что социальные движения мотивированы вовсе не материальными факторами социальной среды, но общей логикой культурной эволюции. Даже возникшие в контексте политической конкуренции и конфликта общественные объединения выступают двигателем социальной эволюции и изменений. Конкуренция интерпретируется как необходимый механизм движения к общественному порядку и консенсусу. Г. Блюмер считал социальные движения проявлением процесса социальной трансформации в ситуации упадка традиционных культурных авторитетов и поиска новых форм социальной организации и коммуникации [Blumer 1951: 199]. Условно материальные поводы недовольства срабатывают как триггер протеста в ситуации сформировавшегося коллективного запроса на перемены, скепсиса в отношении устаревших социальных норм.

А. Турен рассматривал современный социальный протест как порождение новых социальных движений, возникших ввиду перехода к новому постиндустриальному обществу, результат неформализованного, плохо структурированного и неорганизованного коллективного действия представителей нового «среднего класса», стремящихся культурно легитимировать новые социальные нормы и ценности [Touraine 1985] или прямо, персонально повлиять на общественную ситуацию [Турен 1998: 22].

Сторонники применения символического интеракционизма [Rochon 1998: 179-181] полагают, что новые социальные движения, переводя хронические общественные проблемы в острую фазу конфликта, способны инициировать процессы символического производства и конструирования идентичности, породить новые социальные ценности и выступать проводниками культурных изменений.

В 1990-е гг. исследователи стали обращать внимание на консолидирующую роль эмоций в складывании новых социальных движений. Дж. Коулман выдвинул идею, что коллективное недовольство проистекает из индивидуальной социальной депривации или персональной оценки полезности / возможных издержек той или иной ситуации [Coleman 1990: 479]. Ситуации, отмеченные индивидами как важные, подчиняются логике массовизации, создавая эффекты общественной (де-)консолидации, в том числе и протестной.

Дж. Джаспер [Jasper 1997], ссылаясь на методологический аппарат когнитивной психологии, исходил из идеи фундирования культуры общеразделяемыми мировоззренческими установками и их общеприняемыми воплощениями — как материальными (артефакты, события, произведения искусства, ритуалы и пр. [Jasper 2010: 60]), так и нематериальными (коллективные эмоции, мнения и настроения). Под влиянием повышения общего уровня материального благополучия и распространения образования изменились социальные характеристики активистов, выросла популярность «постиндустриальных» движений, защищающих идеи и идеологию [Jasper 1997: 73]. Заметно изменился и характер влияния нематериальных факторов на социальную консолидацию под влиянием медиа, в частности телевидения, часто эмоционально «нагружающего» и символизирующего инициативы активистов. Так что социальные движения приобрели собственную своеобразную идентичность, наделенную дополнительным консолидационным потенциалом.

Опираясь на теорию фрейминга, ряд исследователей связывают доминирующие коллективные социально-политические установки с логикой символизирующего упрощения индивидами конфликта или социального противостояния (интерпретация ситуации через бинарные оппозиции истина/ложь, соратник/враг, добро/зло) [Pamela, Johnston 2000]. В рамках фрейм-концепции

культура понимается как легко доступный для исследования набор повседневных мировоззренческих традиций и практик [Ullrich, Daphi, Baumgarten 2014], позволяющий объяснить особенности эмоциональной составляющей коллективной мобилизации. Фрейминг приписывает социальным ценностям конструирование коллективной мировоззренческой рамки, фрейма, схемы, позволяющей индивидам воспринимать и интерпретировать конкретным образом окружающую ситуацию. И в нестабильной ситуации сторонники тематического социального движения опираются на эталонный фрейм, чтобы изобразить воспринимаемую ими несправедливость таким образом, чтобы он соответствовал контексту ситуации [Pamela, Johnston 2000].

В отличие от более масштабных по своей проработанности и влиятельности идеологий, фреймы концептуализируют общие рамки «социальной сборки» (истина/ложь, справедливое/несправедливое), связывая воедино дискурсы различных социальных подсистем. Зачастую фреймы «встроены» в идеологии: так, антиглобалистская идеология продуцирует фрейм интерпретации декаданса локальной культуры как следствие агрессивной интервенции транснациональных корпораций. В сравнении с идеологическими концептами фреймы — более «податливые» и изменчивые ментальные структуры. Регулярное «переопределение» фреймов на основании новых событий, неожиданных действий участников социального процесса или эволюции в общественном мнении обуславливает изменение интенсивности социальной мобилизации и динамику социальных движений.

Несмотря на привлекательность теории фреймов для объяснения социальной мобилизации и социальной динамики, объяснительная способность теории фреймов неоднозначна, в первую очередь в ситуации интерпретации конфликта внутри одной социальной или культурной группы, политической или партийной элиты. Кроме того, современная информационная открытость, возрастающая свобода публичной дискуссии с участием в т.ч. и не особенно квалифицированных экспертов, должны обуславливать крайнюю изменчивость социальных фреймов, сокращая число поводов и мотивов социальной мобилизации. В современной ситуации тотальной информатизации более вероятно быстрая мобилизация не ввиду изменения значимых фреймов, но под влиянием частных агентов культурных изменений — активистов, блогеров, акционистов.

Еще одна весьма популярная объяснительная модель влияния ценностных установок на коллективное поведение принадлежит Р. Инглхарту и связана с идеей постепенного утверждения в обществе ценностей более высокого порядка [Инглхарт 1999]. Опираясь на «гипотезу дефицита», Р. Инглхарт [Инглхарт 1997: 6] полагал, что по мере удовлетворения базовых потребностей глобально возрастет персональная и общественная значимость потребностей более высокого порядка (индивидуальное развитие, права человека, общественная справедливость и т.п.), а материальные ценности постепенно сменяются постматериальными. Ссылаясь на «гипотезу социализации», Р. Инглхарт аргументировал долговременность и возможную необратимость происшедших в обществе ценностных изменений. Социализация граждан в некоторой ценностной парадигме, индивидуальная последовательная поддержка тех или иных общественных приоритетов на долгое время закрепляют культурную программу общественного развития. Так что появление новых социальных движений стало не просто следствием утверждения либерально-демократических установок в западных обществах, но манифестацией глобального процесса повсеместного утверждения постматериальных ценностей.

Предложенная Р. Инглхартом теоретическая модель глобального распространения постматериальных ценностей получила свою практическую верификацию и подтверждение в рамках инициированного в 1980-х гг. всемирного исследования ценностей (*World Values Survey*). Результаты проводимых по всему миру на протяжении почти 40 лет массовых опросов демонстрируют, что вместе с замещением в массовом сознании граждан, в первую очередь западноевропейских и североамериканских стран, ценностей выживания (приоритет материальных благ, ценностей безопасности и интересов национальных групп) ценностями самовыражения (приоритет прав человека, равноправия и демократического развития) происходит и замещение традиционных ценностей секулярно-рациональными установками. Утверждение постматериальных ценностей влечет за собой резкое падение уровня социального конформизма, уменьшение авторитета традиционных структур, рост интереса к прямому гражданско-политическому участию и самоорганизации. В рамках концепции Р. Инглхарта появление в 1960-х гг. новых социальных движений, движений защиты гражданских прав и свобод, антирасистских, феминистских движений интерпретируется как результат усилий носителей постматериальных ценностей, выросших в материально благополучных обществах, обеспечивавших своим гражданам доступное образование и высокий уровень безопасности.

Однако концепция Инглхарта не объясняет ряд современных социальных проблем, таких как рост популярности правой идеологии в европейских странах, высокий запрос западных демократий на коллективную безопасность (так, граждане США не планируют отказываться от конституционного права на хранение и ношение оружия), ценностная неоднородность и даже консервативность многих европейских обществ, различающиеся политические системы и уровень демократизации в культурно близких обществах (ГДР и ФРГ, Сербия и Хорватия, Россия, Беларусь, Украина в 2010–2020-х гг.). Медленный, но повсеместный рост экономического благосостояния, доступного образования и институциональной защиты прав и свобод человека не приводит к тотальному распространению постматериальных ценностей, а консолидационный потенциал нематериальных факторов сегодня откровенно проигрывает объединительным возможностями материальных проблем.

Кроме того, протестная консолидация может сформироваться не благодаря, а вопреки некоторым ценностям. Протестная консолидация может возникнуть вследствие конфликта ценностных парадигм нескольких общественных групп (яркий пример – столкновения осенью 2020 г. между противниками и сторонниками решения Конституционного суда Польши ограничить право женщин на прерывание беременности) или в результате неприятия социумом, его отдельной частью чуждых для общества ценностей (так, в октябре 2020 г. мусульмане по всему миру выступили с критикой президента Франции Э. Макрона, заявившего о кризисе ислама и необходимости защиты французским обществом своих светских ценностей). Социальная консолидация может быть следствием социальной реинтеграции, попыткой общества, социальной группы «переопределить» свои базовые ценности, как в ситуации с движением *Black Lives Matter*, сторонники которого требовали от современного американского общества соблюдения ключевого либерального принципа ценности человеческой жизни.

Т. Салман и В. Эссиес справедливо замечают, что протестные движения складываются под влиянием широчайшего спектра культурных факторов, и применение культуроцентричного подхода к исследованию протеста возможно лишь в долгосрочной исторической перспективе. Многие протестные объединения

действительно выступают с критикой власти, актуальных норм, ценностей или установок, оспаривают символы, ритуалы и иные атрибуты легитимации власти, но одновременно социальные движения и протестные объединения являются в определенной степени и производными от критикуемых культурных традиций [Salman, Assies 2017: 66]. И в широком спектре культурных детерминантов общественного развития довольно сложно вычлениить конкретный «протестный триггер».

Вопрос о связи ценностных установок и конкретных действий, особенно коллективных, является ключевым фактором критики концепции постматериальных ценностей. Если ценностные установки могут объяснить «чувствительность» людей к конкретным вопросам и проблемам, убеждения отнюдь не обязательно мотивируют на конкретные действия. Так, Д. Фукс и Д. Рухт, опираясь на многолетние мониторинговые исследования, проведенные в 1980-х гг. в рамках проекта «Евробарометр» в нескольких центральноевропейских странах, зафиксировали, что если потенциал социального действия классических объединений (партии, формализованные объединения) есть производная от числа формальных членов, то успешность социальных движений зависит лишь от готовности их участников вовлекаться в конкретные акции, т.е. от мобилизационного потенциала [Fuchs, Rucht 1992].

Поддержка идей и принципов движения не равнозначна мобилизации, и лишь прямые действия активистов могут быть свидетельством социальной значимости социального объединения. Реальный мобилизационный потенциал большинства социальных движений, даже пользующихся широкой общественной поддержкой, как заключили Фукс и Рухт, невысок. Данные многолетних социологических опросов, проведенных в центральноевропейских странах, свидетельствуют, что, несмотря на широкую поддержку лозунгов, число активистов и симпатизантов, мотивированных на прямое действие, ничтожно мало. При примерно равной популярности идеологии различных социальных движений, мотивированных нематериальными факторами (экологическое, антиядерное, антивоенное), мобилизационный потенциал их различен (экологический дискурс более востребован), регионально неоднороден (выше в ФРГ и Нидерландах, ниже – во Франции) и изменчив во времени [Fuchs, Rucht 1992: 12-15].

«Социальный потенциал» общественных объединений зависит не только от их мобилизационного потенциала, но и возможности участников поддерживать регулярную коммуникацию. Д. Делла Порты и М. Диани подчеркивают, что социальные движения – не просто сумма протестных акций по конкретным поводам и даже не тематические протестные кампании. Возникновение социального движения знаменуется складыванием специфической коллективной идентичности, выходящей за пределы конкретных мероприятий и инициатив. Коллективная идентичность привносит смысл общей цели и приверженности делу, символизирует единство соратников. Поскольку, в отличие от традиционных групп, у новых социальных движений нет формального членства, залогом их существования являются общая идентичность и регулярные тематические коммуникации симпатизантов [Della Porta, Diani 2006: 21]. Протестная идентичность сама в определенной степени порождает протест.

От степени символической консолидации движений, приверженности общей идее зависит уровень их протестной мобилизации: политизированные объединения, сложившиеся под влиянием аффективных, эмоционально-нагруженных поводов [Zomerem, Postmes, Spears 2008], обладают более высоким объединительным потенциалом, чем социальные.

Протестная самоорганизация в зеркале коммуникативистики

Не случайно все чаще генезис и устойчивость протестных движений объясняются в логике коммуникативистики. Г. Гудвин и Дж. Хетланд обращают внимание, что, несмотря на повсеместное распространение капиталистических отношений, капитализм как категориальная рамка и мыслительный конструкт практически исчез из исследований социальных движений [Hetland, Goodwin 2013]. Авторы отмечают, что в 1970–1980 гг. «постматериальный» фокус исследований новых социальных движений переориентировался с психологических и социально-психологических причин недовольства на еще более тонкие симпатические аспекты консолидации: коммуникацию и солидарность участников, их оценку успешности проводимых протестных акций. Все чаще протестные движения, порожденные нематериальным неблагополучием, рассматриваются не как иррациональные вспышки недовольства, но как рациональные способы политического участия.

Гражданская активность, в т.ч. и протестная, часто интерпретируется как инициатива исключенных из социальной коммуникации групп (или поддерживающих их граждан), стремящихся быть включенными в систему принятия общественно-политических решений. К. Фукс [Fuchs 2006], обращаясь к предложенной Н. Луманом парадигме социальной эволюции [Луман 2017], интерпретирует складывание гражданской самоорганизации и протестной коммуникации как результат накопления критической массы новых способов коммуникации, наблюдения и самоописания и их стабилизации посредством постепенной структурной совместимости с окружающей средой [Антоновский 2017]. Устойчивость протестной коммуникации базируется на регулярном наблюдении недовольными ситуациями, интерпретируемых как значимые или откровенно конфликтные, и их медийном освещении [Luhmann 1996].

Концепция «протестной общественности» предлагается как методологическая рамка определения ситуации протестной мобилизации большей части социально активной общественности [Protest Publics... 2019: 1-8]. Интерпретируя «протестную общественность» как специфическую форму коммуникации, консолидирующую недовольных и готовых к действию граждан, Н. Беляева, Д. Зайцев и др. указывают, что сутью феномена является протестная консолидация заметной части социума в рамках определенного времени, но не результат протеста – революционный, реформистский или даже нулевой. Социальная значимость «протестной общественности» состоит в том, что, консолидировавшись единожды как особая коммуникация активистов, она дает начало широкому спектру различных результатов, так или иначе изменяющих общественные установки, ценности и порядок.

Многие нематериальные факторы существовали и ранее (права человека, принцип свободы слова и СМИ, право гражданской самоорганизации и культурного самоопределения, избирательные права), но в факторы коллективной мобилизации они превратились относительно недавно. Несмотря на свой очевидный консолидационный потенциал в случае отдельных выступлений, нематериальные факторы (парадный пример – права человека и свобода СМИ) отнюдь не всегда превращаются в мобилизационный ресурс для выступлений и далеко не однозначно порождают общественные движения и коммуникацию. Но то же самое можно сказать и о консолидационном потенциале материальных факторов. Далеко не все раздражители становятся поводом для протестных выступлений. Пенсионная реформа, несмотря на вполне материальные последствия для многих россиян, не запустила широкую общественную реакцию.

Как и материальные причины, нематериальные факторы протестной консолидации, мотивированной и предметно-практическими поводами, и более идейными мотивами, выливаются во взаимодействие лишь в ситуации коммуникативной консолидации недовольных, объединенных общим духом недовольства. В отличие от традиционных объединений, новые социальные движения, отличаясь неформализованным характером своей организации, способны порождать широчайшую по охвату и затрагиваемой тематике систему коммуникации. Будучи консолидированными по нередко неочевидным поводам, новые социальные движения, в отличие от формальных организаций, способны порождать особые нематериальные коммуникативные факторы и механизмы консолидации, зачастую превосходящие авторитетом и охватом формальные связи.

Складыванию и укреплению внутренней коммуникации участников новых социальных движений способствуют многочисленные факторы среды: и тенденция складывания локальных объединений единомышленников, и возрастающая мобильность населения, и увеличение числа и популярности разнообразных малых групп, и распространение технологических инноваций, и широкий доступ к массовым, в т.ч. электронным, средствам коммуникации. Благодаря активному развитию информационных технологий и интенсивному распространению новых медиа, самоорганизующиеся социальные группы, в т.ч. и протестные, все активнее обращаются к использованию новых информационных технологий. Именно распространение *digital media* способствовало росту консолидационного потенциала нематериальных факторов, в т.ч. и как способа «сборки» протеста.

Еще в 1995 г. У. Гамсон замечал, что складыванию протестной консолидации в значительной степени способствует конфликтный медийный дискурс, порождаемый общественными активистами в (на момент написания работы) традиционных медиа (ТВ, печатная пресса, радио). А в ситуации включения все большего числа граждан в медийную повестку медиадискурс становится основным и порой единственным ресурсом конструирования протестного смысла, превосходя популярностью собственный опыт граждан [Gamson 1995: 86-87]. Протестно-консолидационный потенциал цифровых медиа в силу их всеохватности, предоставляемых возможностей прямого общения и сильной эмоциональной нагруженности виртуального контента точно не меньше, а, пожалуй, в разы больше.

Завязанность протестной самоорганизации на интернет-коммуникацию активистов, их общение в социальных сетях, мессенджерах, *Instagram*-, *YouTube*- и *Telegram*-каналах стала значимой характеристикой протестных выступлений последних двух десятилетий по всему миру. Взаимодействие активистов посредством новых форм коммуникации, нередко без участия в формальных объединениях (партии, коалиции и пр.), характеризовало самые разные протестные инициативы. Исследователи указывали, что благодаря интернет-коммуникации сложились самобытные формы протестной самоорганизации без плотных сетей отношений, необходимых для поддержания постоянного массового рекрутинга активистов, как это бывает в традиционных социальных движениях [Della Porta 2017].

Дигитальная коммуникация протеста продемонстрировала одно из ключевых значений для самоорганизации не только в демократических свободных обществах (Испания, Греция, США), но и в обществах гибридных политических режимов (Турция при Р.Т. Эрдогане или Украина при В. Януковиче [Protest Publics... 2019]), в авторитарных обществах (Йемен, Тунис, Египет) или в политических системах с высокой степенью внутренней цензуры, как в

Беларуси и России. Не случайно в ходе августовских протестов в Беларуси по распоряжению властей страны был уменьшен интернет-трафик, что привело к ухудшению качества сервиса передачи данных или временной недоступности услуги¹. Ведь одним из основных источников фактической информации о месте и времени проведения протестных выступлений и механизмом оперативной коммуникации протестующих стал *Telegram*-канал *NEXTA*, который, к слову, за период активных протестов в РБ увеличил свою аудиторию с 427 тыс. до почти 3 млн подписчиков.

Если доцифровая протестная коммуникация совпадала с «телесным присутствием» протестующих на акциях, митингах, шествиях и пр. [Антоновский 2011], то обращение к новым средствам коммуникации локализовало протест в виртуальном контенте [Антоновский 2012]. В отличие от традиционных проявлений социального недовольства, сводимых к единичным событиям (митинги, манифестации, локауты и пр.), современный протест ввиду значительной виртуализации не имеет четких критериев завершения. Протест превращается в особую систему коммуникации, наделяет участников специфической идентичностью и базовой логикой оценки ситуации. Отдельные события лишь провоцируют протестную актуализацию. Не случайно многие протестные выступления, сложившись по одному поводу (например, связанные с экологией), постепенно включили в свою повестку смежные темы, например правозащиту, или вовсе переключились на альтернативную проблематику (антиправительственная оппозиция). В США движение *Black Lives Matter* зародилось в 2013 г. как одноразовая акция протеста против расовой дискриминации афроамериканцев, но к 2020 г. превратилось в мощный консолидирующий дискурс общественного недовольства системным социальным притеснением со стороны полицейских. Протест против расовой дискриминации обернулся движением в защиту базовых ценностей современной либеральной демократии.

Европейские протесты против депортации мигрантов в Австрии, Германии и Швейцарии часто вызваны не столько личным сочувствием, но более общими требованиями социальной справедливости и солидарности, желанием отменить принципы, противоречащие правовым и гуманистическим ценностям либерально-демократических обществ [D'Amato, Schwenken 2018]. Публичное недовольство итогами выборов в Москве летом 2019 г. и в Минске в 2020 г. стало не только реакцией на коммуникативную закрытость политической системы, но публичной демонстрацией собственной политической субъектности наиболее модернизированной частью общества, различающейся по своим социальным и экономическим характеристикам, но единой в своем уважении к постматериальным ценностям свободы слова и политического выбора, честной конкуренции. Выступления в Беларуси в 2020 г., как писал А. Шрайбман, были не походом, направленным на свержение власти, но протестом массового гнева, в котором участвовали самые разные социальные группы: и городской средний класс, и бедные жители глубинки, и работяги, и националисты, и футбольные фанаты [Шрайбман 2020].

«Текучесть» тематики протестной коммуникации, расширение поводов общественного недовольства – производные масштабного распространения виртуальной коммуникации. Социальные медиа как базовый элемент протестной консолидации [Архипова и др. 2018] существенно упрощают мобилизацию, повышают эффективность массовых движений [Соколов, Курбанова 2018],

¹ Доступ в виртуальную сеть ограничили по распоряжению госорганов, так как власти проводят мероприятия по обеспечению национальной безопасности. 2020. – *Sputnik.by*. Доступ: <https://sputnik.by/technology/20200830/1045583684/Mobilnye-operatory-nazvali-prichinu-otklyucheniya-interneta.html> (проверено 31.12.2020).

способствуя выстраиванию «слабых социальных сетей» между неоднородным населением, коммуникативно сопрягая несколько малых групп и упрощая их взаимодействие по социально значимой проблематике [Granovetter 1983].

Но повсеместное распространение цифровых медиа не превращает их в механизм революционной самоорганизации. Ведь поставить «лайк» — не значит действовать (*like is not action*). Приписывание атрибутов мобилизационного триггера Интернету и социальным медиа не вполне правомерно. И российская ситуация ограниченной протестной консолидации при широчайшем распространении новых медиа тому яркий пример.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00505) в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук.

Список литературы

Антоновский А.Ю. 2011. *Социоэпистемология. О пространственно-временном и коллективно-личностном понимании общества*. М.: Канон. 400 с.

Антоновский А.Ю. 2012. От интеграции к информации. К коммуникативным трансформациям в российской нации. — *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. № 3. С. 4-13.

Антоновский А.Ю. 2017. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины. — *Вопросы философии*. № 7. С. 158-171.

Архипова А.С., Радченко Д.А., Титков А.С., Югай Е.Ф., Гаврилова М.В., Белянин С.В., Козлова И.В. 2018. «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в Интернете. — *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. № 1. С. 12-35.

Инглхарт Р. 1997. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 6-32.

Инглхарт Р. 1999. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе. — *Новая постиндустриальная волна на Западе: антология* (под ред. В.Л. Иноземцева). М.: Academia. С. 245-261.

Луман Н. 2017. Эволюция науки. — *Эпистемология и философия науки*. Т. 52. № 2. С. 215-233.

Перцев А. 2019. Радикализация и символизм: облик нового российского протеста. — *Московский центр Карнеги*. Доступ: carnegie.ru/commentary/79155 (проверено 31.12.2020).

Соколов А.В., Курбанова А.А. 2018. Интернет-технологии в массовых движениях. — *Власть*. Т. 26. № 9. С. 35-41.

Турен А. 1998. *Возвращение человека действующего: очерк социологии*. М.: Научный мир. 204 с.

Шрайбман А. 2020. Взаимное отторжение. Чем закончатся белорусские протесты. — *Московский центр Карнеги*. Доступ: <https://carnegie.ru/commentary/82459> (проверено 31.12.2020).

Blumer H. 1951. Social Movements. — *Principles of Sociology* (ed. by A. McClung Lee). N.Y.: Barnes & Nobles. P. 199-220.

Blumer H. 1971. Social Problems as Collective Behavior. — *Social Problems*. Vol. 18. No. 3. P. 298-306.

Coleman J. 1990. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA: Belknap. 993 p.

D'Amato G., Schwenken H. 2018. Protests Revisited: Political Configurations, Political Culture and Protest Impact. — *Protest Movements in Asylum and Deportation*

(ed. by S. Rosenberger, V. Stern, N. Merhaut). IMISCOE Research Series: Springer, Cham. P. 273-291.

Della Porta D. 2017. Political Economy and Social Movement Studies: The Class Basis of Anti-austerity Protests. – *Anthropological Theory*. Vol. 17. No. 4. P. 453-473.

Della Porta D., Diani M. 2006. *Social Movements: an Introduction*. Malden, MA: Blackwell. 360 p.

Fuchs Ch. 2006. The Self-Organization of Social Movements. – *Systemic Practice and Action Research*. Vol. 19. No. 1. P. 101-137.

Fuchs D., Rucht D. 1992. Support for New Social Movements in Five Western European Countries. – *Veröffentlichungsreihe der Abteilung Öffentlichkeit und Soziale Bewegungen des Forschungsschwerpunkts Sozialer Wandel. Institutionen und Vermittlungsprozesse des Wissenschaftszentrums*. Berlin. No. FS III 92-102.

Gamson W. 1995. The Strategy of Social Protest Social Movements and Culture. – *Social Movements and Culture* (ed. by H. Johnston, B. Klandermans). Minneapolis, MN: University of Minnesota Press. P. 85-106.

Granovetter M. 1983. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited. – *Sociological Theory*. No. 1. P. 201-233.

Hetland G., Goodwin J. 2013. The Strange Disappearance of Capitalism from Social Movement Studies. – *Marxism and Social Movements* (ed. by C. Barker, L. Cox). Leiden: Brill. P. 83-102.

Jasper J.M. 1997. *The Art of Moral Protest: Culture, Biography, and Creativity in Social Movements*. Chicago: University of Chicago Press. 530 p.

Jasper J.M. 2010. Cultural Approaches in the Sociology of Social Movements. – *Handbook of Social Movements across Disciplines* (ed. by C. Roggeband, B. Klandermans). Boston, MA: Springer. P. 59-109.

Luhmann N. 1996. *Protest. Systemtheorie und soziale Bewegungen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 216 p.

Pamela O., Johnston H. 2000. What a Good Idea! Ideologies and Frames in Social Movement Research. – *Mobilization: An International Journal*. Vol. 5. No. 1. P. 37-54.

Protest Publics. Toward a New Concept of Mass Civic Action (ed. by N. Belyaeva, V. Albert, D. Zaytsev). 2019. Switzerland: Springer. 318 p.

Rochon T.R. 1998. *Culture Moves: Ideas, Activism, and Changing Values*. Princeton: Princeton University Press. 282 p.

Salman T., Assies W. 2017. Anthropology and the Study of Social Movements. – *Handbook of Social Movements across Disciplines* (ed. by C. Roggeband, B. Klandermans). Boston, MA: Springer. P. 57-101.

Smelser N.J. 1962. *Theory of Collective Behavior*. London: Routledge & Paul. 436 p.

Touraine A. 1985. An Introduction to the Study of Social Movements. – *Social Research*. Vol. 52. No. 4. P. 749-787.

Ullrich P., Daphi P., Baumgarten B. 2014. Protest and Culture: Concepts and Approaches in Social Movement Research: An Introduction. – *Conceptualizing Culture in Social Movement Research* (ed. by B. Baumgarten, P. Daphi, P. Ullrich). London: Palgrave Macmillan. P. 1-20.

Zomer M., Postmes T., Spears R. 2008. Toward an Integrative Social Identity Model of Collective Action: A Quantitative Research Synthesis of Three Socio-Psychological Perspectives. – *Psychological Bulletin*. Vol. 134. No. 4. P. 504-535.

BARASH Raisa Eduardovna, *Cand.Sci.(Pol.Sci.)*, Senior Researcher at the Sociological Institute – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; raisabarash@gmail.com)

NON-MATERIAL FACTORS OF THE PROTEST COMMUNICATION AND CONSOLIDATION: THE RUSSIAN CONTEXT

Abstract. The author tries to study the problem of the protest genesis through the prisms of the non-material factors influence. Applying to the historical and philosophical tradition, the author discusses the consistency of such non-materialistic methodological paradigms of the social consolidation explaining as symbolic interactionism, the theory of frames, the concept of the post-material values, etc.

Consistently investigating the specifics of protest actions all over the world during recent years the author summarizes the consistency of the communicative methodology that interprets protest self-organization as a special communication based on a unique interaction code and value system that is alternative to the one articulated by authority and bureaucracy. However, the expanse of digital media does not turn it into a mechanism for revolutionary self-organization. The Russian situation of the normative limitation of the protest consolidation in spite the widest spread of new media is a vivid example of this.

Keywords: protest, communication, activism, Internet, social media, consolidation

ВАРДИКЯН Мария Самвеловна – магистрант Московского государственного психолого-педагогического университета (127051, Россия, г. Москва, ул. Сретенка, 29; mashka100797@mail.ru)

НИКОЛАЕВА Алла Алексеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и практики управления Московского государственного психолого-педагогического университета (127051, Россия, г. Москва, ул. Сретенка, 29; nikolaevaaa@mgppu.ru)

САВЧЕНКО Ирина Алексеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и практики управления Московского государственного психолого-педагогического университета (127051, Россия, г. Москва, ул. Сретенка, 29; arin76@mail.ru)

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные понятия протестного настроения молодежи. На основе анализа работ ученых-исследователей, посвященных изучению протестного потенциала и политической активности молодежи, проведено исследование, целью которого являлось выявление уровня и причин проявления протестных настроений у современных молодых людей. Результаты исследования показали отношение к действующей политической власти в стране, факторы, влияющие на нестабильность политических воззрений молодежи, а также возможные пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: молодежь, психологические особенности молодого поколения, протестные настроения, протестное поведение, политическая активность

На сегодняшний день в России присутствует социальная напряженность, выражающаяся в проявлении молодежью и обществом в целом протестного поведения при помощи различных форм и методов. Изучение протестных